

Ваганова Ольга Константиновна

"НУ И БЕССТЫДНИК ЖЕ ТЫ!..": К ГЕНЕЗИСУ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ"

В статье исследуются генетические предпосылки для создания романа Ф. М. Достоевского "Идиот"; рассматривается, как биографический контекст повлиял на фабульное построение текста, его архитектонику и образный строй. На основе количественного статистического анализа словоупотребления универсалий "стыд"/"бесстыдство" на материале романа получены ранее не освещаемые в научной литературе сведения о неожиданных пересечениях характерологического плана, интерпретация которых и является задачей данной работы, что помогает выявить механизм смыслопорождения текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 50-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

BASIC FEATURES OF PARALLELISM IN YAKUT OLONKHO AND ALTAI EPOS

Borisov Yurii Petrovich

Research Institute of Olonkho

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

olonhoman@mail.ru

The article considers the rhythmic-syntactic parallelism in the Yakut epos olonkho –Girl-hero Dzhyrybyna Dzhyrylyatta” and in the Altai epos –Maadaï Kara” from the point of view of a comparative-typological approach. As a result of the analysis the basic similar and distinctive features of parallelisms in compared eposes are revealed, and also the attempts to ascertain the relationship at the level of syntax are undertaken.

Key words and phrases: literal repetition; contextual synonyms; variant synonyms; antonymic opposition; enumerated parallelism; rhythmic-syntactic parallelism; cross-type parallelism; two-binominal parallelism; polynomial parallelism; tirade.

УДК 82-311

Филологические науки

В статье исследуются генетические предпосылки для создания романа Ф. М. Достоевского «Идиот»; рассматривается, как биографический контекст повлиял на фабульное построение текста, его архитеконику и образный строй. На основе количественного статистического анализа словоупотребления универсалий «стыд»/«бесстыдство» на материале романа получены ранее не освещаемые в научной литературе сведения о неожиданных пересечениях характерологического плана, интерпретация которых и является задачей данной работы, что помогает выявить механизм смыслопорождения текста.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; «Идиот»; генезис; биографический контекст; универсалия; бесстыдство; стыд.

Ваганова Ольга Константиновна

Воронежский государственный университет

o-k-vaganova@yandex.ru

«НУ И БЕССТЫДНИК ЖЕ ТЫ!...»: К ГЕНЕЗИСУ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»[©]

Статья выполнена при поддержке гранта РФНФ проект №12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII – начало XX вв.)».

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению предмета нашего исследования, сделаем ряд предварительных замечаний операционного характера. В работе мы активно использовали метод фронтального количественного анализа текста, который берется за единицу, а подсчет **относительных частот словоупотреблений** (далее – о.ч.с.) производится путем арифметического деления количества маркированных словоупотреблений на общее число словоформ референтного текста. Ранжирование относительных частот словоупотребления концептов «стыд»/ «бесстыд» приводится по выборке среди романов «пятикнижия» Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Один из рабочих терминов – «универсалия»---- мы будем использовать в расширительном значении, предложенном Ч. Хоккетом: «Лингвистическая универсалия есть признак, или качество, разделяемое всеми языками или являющееся принадлежностью языка в целом» [6, с. 297].

После публикации «Преступления и наказания» (1866) Ф. М. Достоевский начинает работу над «Идиотом» – текстом, занимающим первое место в списке «пятикнижия» по употреблению слов, содержащих **универсалию «бесстыдство»** (о.ч.с. – 0,00006082, или 13 словоупотреблений), и второе место по количеству словоформ с маркером «стыд/стыж» (с о.ч.с. – 0,0005006, что составляет 107 релевантных контекстов) (см. Таблицы 1, 2). Внезапный «всплеск» внимания Достоевского к топике стыда и бесстыдства тем более примечателен, что срок между публикацией романов – всего год. Однако «Преступление и наказание» по шкале «стыда»/«бесстыдства» имеет низкий показатель – соответственно 4 и 5 место (из пяти возможных) с о.ч.с. – 0,00035831 (общее количество словоупотреблений в романе – 63) и 0,00000569 (3 репрезентативных словоформы) (см. Таблицы 1, 2).

Чем же можно объяснить тот факт, что вслед за наиболее «безразличным» к стыду романом («Преступление и наказание») писатель создает самое «бесстыдное» произведение своей крупной прозы? Очевидно, попытки разрешить этот вопрос вне исследования авторских интенций или за пределами биографического контекста имеют ограниченные шансы на успех.

1867 год был во многом переломным: в феврале состоялось венчание Ф. М. Достоевского и А. Г. Сниткиной; в начале апреля – поездка с женой в Москву; далее – «заграничное» путешествие новобрачных; ежедневная игра

Достоевского на рулетке в Баден-Бадене, крупные проигрыши; приезд в Базель; посещение музея с картинами Г. Гольбейна, чрезвычайное впечатление, вынесенное от портрета «Мертвого Христа»; приезд в Женеву, начало работы над романом «Идиот», перемежающееся частыми поездками на рулетку в Саксон-ле-Бен...

Однако какое отношение факты биографии писателя имеют к тому, что в «Идиоте» словоупотребление универсалии «*бесстыдство*» сгущается до небывалой доселе (и после того) концентрации среди «пятикнижия»? Правомерность текстологической «экспертизы» подкреплена мнением самого писателя о генезисе творчества: «Творчество, основание всякого искусства, лежит в человеке как проявление части его организма, но живет нераздельно с человеком. А следственно, творчество и не может иметь других стремлений, кроме тех, к которым стремится весь человек. <...> Оно всегда будет жить с человеком его настоящей жизнью» [5, т. 18, с. 101]. Анри Труайя, связывая инспирирующие импульсы к созданию романа с биографией писателя, утверждал: «Имеется значительный корпус данных, показывающих, как жизненный опыт, круг общения и склад ума Достоевского повлияли на тот образ мыслей, те склонности и намерения, которыми он руководствовался в период создания «Идиота»» [17, р. 566]. В основании любой творческой активности лежит принцип, не имеющий исключительно литературного характера, а проистекающий из субъективных истоков. Наша задача – проследить, как «личный» фактор становится конструктивным методом и активным элементом построения фабулы, характерологии, семантического плана текста, в конечном итоге – смысла произведения.

С недостаточной четкостью, на наш взгляд, в биографической литературе о Достоевском освещено то немаловажное обстоятельство, что мысли о постыдности матримониальных расчетов приходили в голову писателю накануне его свадьбы с А. Г. Сниткиной. Достоевский некогда признался Я. К. Гроссу, как следует из личного дневника Ф. Фидлера, в том, что незадолго до женитьбы он находился «на грани преступления, заслуживающего наказания» [10, с. 366]. Рефлексия «провинности» находила свое непосредственное отражение в «свадебных» литературных аллюзиях писателя, в частности, на гоголевского поручика Пирогова, каковое метонимическое соотнесение крайне выразительно. В. В. Тимофеева (О. Починковская) вспоминала, что Ф. М. однажды иронически спросил ее: «Когда он [поручик Пирогов] откалывал мазурку и вывертывал, делая па, свои столь недавно оскорбленные члены, думал ли он, что его всего часа два как высекли? – Без сомнения, думал, – отвечал он за меня. – А было ли ему стыдно? – Без сомнения, нет. Я убежден, что поручик этот в состоянии был дойти до такой безбожности, что, может быть, в тот же вечер, своей даме в мазурке <...> объяснился в любви и сделал формальное предложение» [14]. Очевидно, опыт «пироговской невесты» был бы в случае Сниткиной более чем актуален, знай она биографию жениха в подробностях. Направление ассоциаций может быть задано тем, что «телесному наказанию» был подвергнут и Достоевский в 1851 гт. (по свидетельству доктора А. Е. Ризенкампа [11, с. 668]) за несколько лет до первого брака с Марьей Дмитриевной Исаевой, в связи с чем «брачный контекст» так и остался травмирующе окрашенным в тона «бесстыдства». Спешность бракосочетания с Анной Григорьевной (с момента знакомства писателя и его будущей жены до даты брака пройдет не более 4-х месяцев) также не дала возможности невесте детально узнать обстоятельства жизни и личности суженого, о чем тот сокрушался в письме Майкову: «Один, с юным созданием, которое с наивной радостью стремилось разделить со мною странническую жизнь <...> На себя же я не надеялся: характер мой больной, и я предвидел, что она со мной измучается» [5, т. 28, кн. 2, с. 204-205].

Не могла не угнетать Достоевского и мысль, что, несмотря на искренний романтический настрой 60-х гг. («смотрел женихом» и в указанный промежуток времени сделал как минимум три предложения руки – Ап. Суловой, А. Корвин-Круковской, М. Иванчиной-Писаревой, не считая многочисленных романтических «авансов»), прагматическая реальность вряд ли осталась за пределами его непосредственных интересов: брак с Анной Григорьевной в прямом смысле слова спасал писателя от долговой ямы. Показательно в этом смысле, что в первые дни знакомства Достоевский затруднялся даже запомнить имя своей будущей невесты. Видимо, на заре семейной жизни место супружеской страсти, вспыхнувшей много позже, занимало чувство признательности. Из письма к Анне Николаевне, матери его жены: «Она меня любит. Она кротка, добра, умна, верит в меня, и до того заставила меня привязаться к себе любовью, что, кажется, я бы теперь без нее умер (здесь и далее в цитатах курсив автора – О. В.)» [Там же, с. 203]. Здесь эксплицировано, что привязанность к молодой супруге – ответная реакция Достоевского на ее любовь, из чего следует первоначальная не взаимность личных притязаний стенографистки. Анна Григорьевна не могла не лукавить, когда описывала «медовый месяц» как семейное благоденствие: «У обоих нас было горячее желание остаться вдвоем, без той шумливой толпы родных и друзей <...> которая мешала наслаждаться нам нашим лучезарным счастьем, которое мы испытывали отчасти в незабвенные для нас три месяца, когда мы были с ним жених и невеста» [Там же, с. 286-287] (более подробно о первом времени семейной жизни с точки зрения А. Г. Достоевской [4, с. 64-166]).

Весьма красноречивым выглядит повышенный интерес писателя к красочной палитре «наслаждений» именно в «предвенчальный» период. Спектральный анализ аморального локуса представлен писателем в характерологическом эскизе (предположительно образа Свидригайлова) из записей 1866 года: «NB. Сильные и бурные порывы <...> Непомерная и ненасытимая жажда наслаждений и утолений. <...> Наслаждения артистические до утонченности и рядом с ними грубые, но именно потому, что чрезмерная грубость соприкасается с утонченностью (отрубленная голова). Наслаждения психологические. Наслаждения уголовные (нарушение всех законов). Наслаждения мистические (страхом ночью). Наслаждения покаянием, монастырем (страшным постом и молитвой). Наслаждения нищенские (прошение милостыни). Наслаждения Мадонной Рафаэля. Наслаждения кражей, разбоем, наслаждения самоубийством... Наслаждения образованием (учится для этого).

Наслаждения добрыми делами» [5, т. 7, с. 158]. Резюмируя субстанциональную сущность «коллекционера» наслаждений, Достоевский запишет в черновых материалах: «Демон, сильные страсти» [Там же].

Хроника первых месяцев супружеской жизни будет неполной, если среди прочих «постыдных» биографических сюжетов («спироговская невеста»; банкротство; тайная переписка с Ап. Сусловой; взаимный антагонизм новобрачных, побуждаемый ревностью обоих супругов, пристальное изучение топики порочности) обойти молчанием еще одну страсть Достоевского – рулетку. (Была предпринята попытка описать роман «Идиот» с помощью модели игры – взяв за основу «игровые» мотивы *случая* и *бесповоротности* – и исследовать приемы создания произведения как репертуар «карт» [16].) Почти семинедельная переписка с супругой представляет обширный полигон для исследования риторических тактик «бесстыжего» выпрашивания денег у жены на беспрестанные проигрыши (жалобы, просьбы, упреки, сменяющиеся мольбами и покаянными самообвинениями) (подробнее об этом с привлечением обширного документального материала [10, с. 389-400]). О том, насколько успешно через эпистолярную практику овладел писатель стратегиями кредитования, мы можем судить хотя бы по тому, что А. Г. Достоевская ни разу не откажет в деньгах супругу, невзирая на крайнюю нужду. Игорный загул и связанное с ним стяжательство Достоевский описывал как «подлости и позоры»: «Хуже всего то, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил» [5, т. 28, кн. 2, с. 207]. Атмосферу лета 1867 года красочно изобразила Л. Сараскина: «Он всячески оттягивает начало работы. Участились припадки, росло раздражение, выходили некрасивые ссоры с женой; он придирался к ней по всякому поводу, грубо ругался и кричал» [13, с. 484].

Таким образом, на подготовительном этапе работы над романом «Идиот» Достоевский получал самые разнообразные импульсы, и не только творческого свойства. Сюжетное развитие романа основано на нескольких узловых контекстах, параллельных перипетиям жизни биографического автора (неразрешимые любовные конфликты, драма потерянной чести, ложь, травматическое переживание обиды, соблазнительная сила денег и пр.). Инкорпорирование негативного жизненного опыта в художественный мир, вероятно, может пролить свет на то, почему ни одной из двух потенциальных романских *свадеб не суждено состояться* (Настасья Филипповна – «сбежавшая» из-под венца, а затем «мертвая» невеста (об архетипе «мертвой невесты в творчестве Достоевского [7]), а Аглая – не венчанная по христианскому обычаю жена поляка); почему генерала Иволгина сажают *в долговое отделение* (сюжетно не развернутая и повествовательно не мотивированная деталь повествования); почему Ипполит воспринимает свою помощь Сурикову в опциях непредсказуемого исхода *игры*: «Самый лучший шахматный игрок, самый острый из них может рассчитать только несколько ходов вперед <...> Сколько же тут ходов и сколько нам неизвестного?» [5, т. 8, с. 336]. Позже в «Братьях Карамазовых» непредвиденность результатов единичного доброго деяния будет преломлена через *библейскую* (а не игровую) семантику проросшего зерна, созвучного «почвенническим» воззрениям автора: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Там же, т. 14, с. 5]. Наконец, в газетной статье, прочитанной Колей на собрании, Мышкин представлен как один «из тех, впрочем, отпрысков, которых еще деды проигрались окончательно *на рулетках*, отцы принуждены были служить <...> и по обыкновению умирали *под судом* за какой-нибудь невинный просчет в *казенной сумме*, а дети которых <...> попадают даже *в уголовные делах*» (*курсив автора – О. В.*) [Там же, т. 8, с. 217] – конкретные мотивы, выраженные на языковом уровне, являются вариациями общих мотивов на уровне тематико-биографической основы.

Хотя «бесстыдные» предпочтения не входили в число рекламируемых Достоевским атрибутов душевной организации человека, они могли быть вкраплены в содержание характеров различных персонажей. На интенсивный характер творческой сублимации, выражающейся в личной неприязни к ненавистным героям, обращали внимание и современники писателя: «У Достоевского появляются <...> какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева» [12, с. 231].

Вероятно, данью автобиографизму можно посчитать первоначальное смысловое наполнение образа Мышкина, которого с большим основанием можно было бы назвать не «положительно-прекрасным», а «отрицательно-прекрасным» (термин А. А. Алексеева [1, с. 237]: «Страсти у *Идиота* сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить себя. В унижениях находит наслаждение». При чтении этого отрывка возникает ощущение «отложенного замысла»: в *Идиоте* отчетливо проступают контуры персонажа другого романа – Николая Ставрогина (роман «Бесы» будет опубликован следующим (спустя 4 года) после «Идиота»). (подробнее о генетической связи образов Ставрогина и князя Мышкина через отношения производности первого от второго см. [2]). Впоследствии в характерологию главного героя вошло расколотое сознание как атрибуция его личности: «*Загадка*. Кто он? Страшный злодей или таинственный идеал?» [5, т. 9, с. 180]. «Или властвовать тирански, или умереть за всех на кресте – вот что только и можно, по-моему, по моей натуре, а так просто, я изнашусь не хочу» [Там же]. При ретроспективном взгляде эту запись можно расценивать как начальную точку отсчета, вслед за которой последовало переосмысление, высвобождение обеих полярностей и закрепление каждой за отдельным персонажем: прерогатива «таинственного идеала» отходит к князю Мышкину, а ампула «страшного злодея» выпадает на долю Ставрогина.

Приведенные многочисленные биографические подробности «окололитературного» характера не просто добавляют штрихи к портрету писателя, но являются насущно императивными для понимания генезиса «всплеска» «бесстыдства» в романе «Идиот». Очевидно, драматические моменты, пережитые писателем, в то время находили отражение в его художественном творчестве, влияя на образную систему произведений.

Так, ведущее место в характерологическом плане роман «Идиот» по количеству употреблений словоформы «*бесстыд*» занимает – прогнозируемо – Настасья Филипповна, с чрезвычайной аффектацией

позиционирующей себя в качестве «бесстыдницы» (7 словоупотреблений универсалии «*бесстыд/бесстыж*» из 13 приходится на ее долю, что составляет 53,85%). Перманентная эксплуатация героиней «бесстыдного» речевого поведения демонстрирует «утверждение-через-отрицание». Другими словами, Настасья Филипповна на бессознательном уровне защищает себя от агрессии общества через комплекс психологических механизмов (сопротивления, вытеснения, отрицания): «На деле же она была гораздо целомудреннее и стыдливее». В терминах статьи З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни» [15], когда кто-то нечто яростно отрицает, это служит наиболее явственным свидетельством того, что он это самое нечто утверждает. Невозможно отбросить что-то, первоначально это «что-то» не приняв. Как ни парадоксально, но к «низменному», по логике Достоевского, приводит именно гордость/гордыня – социальное или экзистенциально уязвленное самозабвение: «Самозабвение у Достоевского – нередко особый вид *протеста* против унижения, оскорбления» [9]. Гордость Настасьи Филипповны не может примириться с отведенной ей ролью содержанки. Цинизм, inferнальная «низость» героини выражают отчаяние, любование своим «бесстыдством», вплоть до гиперболизации его и полубессознательного поиска новых «бездн» падения (то же – у Грушеньки в «Братьях Карамазовых»). Но сама потребность занижать свои идеалы свидетельствует о том, что они далеко не изжиты.

Образ феноменально стыдящегося князя Мышкина также репрезентативно свидетельствует, что между психологической доминантой персонажа и автобиографическим началом его создателя существует определенная (прямая) зависимость. Более четверти контекстов романа (26,7%) с использованием словоформы «*стыд/стыж*» относятся к дискурсу языковой личности «князя Христа», что не нуждается в дополнительных комментариях, ибо высокий коэффициент «стыдливой» лексики самым прямым образом интерферирует с «положительно-прекрасной» характерологической динамикой образа.

Более неожиданна другая корреляция: абсолютное пропорциональное равенство количества «стыдных» контекстов в речи трех персонажей: Аглаи Епанчиной, Гани Иволгина и Ипполита Терентьева (по 13 словоупотреблений у каждого – 12,5%). Подобный паритет, очевидно, не случаен. Даже при самом поверхностном обзоре несомненной представляется некая психологическая общность этих персонажей – «подпольное» ядро их характеров. О «подпольном характере» писал А. Б. Криницын, определяя его основные черты следующим образом: «Это одновременная способность к добру и злу, при крайней противоречивости стихийных порывов. Необыкновенно усиленное самосознание (от книг), возмещающее отсутствие реальной жизни (...) Беспременная саморефлексия, презрение к себе и комплекс неполноценности, *стыд самого себя*. «Отвлеченность», «жизньность» мышления. Бесхарактерность и неспособность к действию из-за раздвоенности и разнородности побуждений (новоявленный гамлетизм). Человечеконенавистничество и озлобленная агрессия, провоцирующие многочисленные скандалы» [8, с. 25]. Психологический абрис, бесспорно, пришелся бы «впору» всей триаде персонажей (образующих, кроме того, любовный треугольник): непомерно стыдливой Аглае, в детстве прятанной от гостей в шкафу («и просиживала в нем часа по два, по три, чтобы только не выходить к гостям; дылда выросла, а ведь и теперь то же самое» [5, т. 8, с. 390]); Ипполиту, чье человеконенавистническое «Необходимое объяснение» – философское размышление «подпольного толка» («кто виноват, что они несчастны и не умеют жить, имея впереди по шестидесяти лет жизни? <...> О, никакой, никакой во мне не было жалости к этим дуракам ни теперь, ни прежде, – я с гордостью это говорю!» [Там же, с. 326]); Гане Иволгину, с его «капитальной целью»: «через пятнадцать лет скажут: "вот Иволгин, король Иудейский"» [Там же, с. 105]. «Подпольный» дискурс рассеян по трем действующим лицам, но очевидные пересечения между ними в «подпольном» комплексе дестабилизированной личности позволяют поставить их в один ряд: «упрощенные подпольные характеры появляются на вторых ролях (как, например, Ипполит и Ганя Иволгин в «Идиоте»)» [Там же, с. 149]. Очевидно, такие умозаключения основаны на интенциях самого Достоевского, в одном из набросков (от 15 сентября 1867) схематизировано описывающего доминирующие черты своих героев в аллегорическом виде: «В Аглае – *стыдливость*. Ипполит – тщеславие слабого характера. <...> Ганя – слабость, добрые наклонности, ум, *стыд*, стал эмигрантом» [Там же, т. 9, с. 381]. В окончательном варианте стыдливость Аглаи трансформируется в «Аглаину –*стыдливость*» [Там же, т. 8, с. 431], что свидетельствует как о динамических метаморфозах, претерпеваемых образом в процессе его доработки, так и о многократно отмечаемой исследователями склонности Достоевского к автопародии. Кавычки в данном случае указывают на ироническое переосмысление образа Аглаи, лишенной подлинного чувства такта и сострадания (что репрезентативно явлено в знаменитой «сцене четырех») (подробнее о понимании Достоевским истинной «стыдливости» [3]).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что, применив метод фронтального количественного анализа текста и сопоставив полученные данные с известным нам биографическим материалом, мы пришли к следующим выводам. Словоупотребление универсалий «*стыд/стыж*», «*бесстыд/бесстыж*» в «Идиоте» полифункционально и сводится к двум тенденциям. Во-первых, оно определяет горизонт личных переживаний Достоевского, очерченный обстоятельствами периода работы над романом (как-то: женитьба и сопряженный с ней стыд, вызванный болезненными ситуациями банкротства, маниакальной «игровой» зависимости, связанной с постыдным эпистолярным опытом кредитования). Во-вторых, использование маркированной «*стыдом*»/«*бесстыдством*» лексики является сильным средством характеристики персонажей (Настасьи Филипповны, князя Мышкина), а также позволяет установить неожиданные соответствия характерологического плана между героями (Аглаей, Ганей Иволгиным и Ипполитом). Таким образом, жизненный «стихийный» пласт был воспринят как исходная натуральная материя, которая подверглась технической переработке в творческой «лаборатории» писателя и стал одним из основных генераторов текстопорождения. Мы постарались продемонстрировать один из случаев, когда внутренняя прагматика текста имплицитно коррелирует с внешней прагматикой автора текста.

Таблица 1.

Таблица относительных частот употребления слов с основой «бесстыд» в романах Ф. М. Достоевского

Номер	Название произведения	Год публикации	Относительная частота словоупотребления универсалии «бесстыдство»
1	«Идиот»	1868	0,00006082
2	«Братья Карамазовы»	1880	0,00004962
3	«Подросток»	1875	0,00004621
4	«Бесы»	1872	0,00002941
5	«Преступление и наказание»	1867	0,00000569

Таблица 2.

Таблица относительных частот употребления слова «стыд» в романах Ф. М. Достоевского

Номер	Название произведения	Год публикации	Относительная частота словоупотребления «стыд»
1	«Подросток»	1875	0,00056996
2	«Идиот»	1868	0,0005006
3	«Братья Карамазовы»	1880	0,00048632
4	«Преступление и наказание»	1867	0,00035831
5	«Бесы»	1872	0,00024508

Список литературы

1. Алексеев А. А. Характерология этико-эстетическая // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / общ. ред. Г. К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. С. 236-237.
2. Бем А. Л. Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди» Ставрогина) // Труды V Съезда русских академических организаций за границей. София, 1931. Т. 2. С. 177-213.
3. Ваганова О. К. Идол или идеал: к образам «двух лиц» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вознесенские казармы: альманах филологии и коммуникации / отв. ред. И. А. Стернин. Ярославль: ЯрГУ, 2013. Вып. 2. С. 93-99.
4. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Правда. 1987. 584 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1972-1990.
6. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1968. 336 с.
7. Клейман Р. Я. Спящая/мертвая невеста и подменный жених в поэтике Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб., 1999. № 13. С. 79-92.
8. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 372 с.
9. Мосиенко Л. И. Низменное // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / общ. ред. Г. К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. С. 102.
10. Пекуровская А. Страсти по Достоевскому: механизмы желаний сочинителя. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 608 с.
11. Письма о Достоевском // Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 412-684.
12. Салтыков-Щедрин Н. С. Светлов, его взгляды, характер и деятельность // Ф. М. Достоевский в русской критике / общ. ред. А. А. Белкин. М., 1956. С. 231.
13. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с.
14. Тимофеева В. В. Год работы со знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 154-155.
15. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 202-310.
16. Grygar M. Идея-план-произведение (заметки об «Идиоте» Достоевского) // Russian Literature. V. 54. Iss. 1-3, 2003. 1 July – 1 October. P. 129-147.
17. Troyat A. Dostoevski. Paris, 1998. 566 p.

“WHAT A SHAMELESS MAN YOU ARE!..”: ON GENESIS OF NOVEL “THE IDIOT” BY F. M. DOSTOEVSKII

Vaganova Ol'ga Konstantinovna
Voronezh State University
o-k-vaganova@yandex.ru

The article studies the genetic background for the creation of F. M. Dostoyevskii's novel “The Idiot”, and considers how a biographical context influenced the fable construction of the text, its architecture and figurative structure. Basing on the quantitative statistical analysis of word usage of the universals “shame”/“shamelessness” by the novel material the author presents the data on the unexpected intersections of a characterological plan not previously covered in scientific literature. The interpretation of these data is the aim of this work, and it helps to reveal the mechanism of sense generation of the text.

Key words and phrases: F. M. Dostoyevskii; “The Idiot”; genesis; biographical context; universal; shamelessness; shame.